

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ дневника Лорда Байрона.

14 Ноября 1813.

Если бь еще за десять лѣтъ началъ я свой дневникъ, и поспоянно продолжалъ его!!! Э!.. О!.. какъ много вещей, копорыхъ бы и вспомнишь не хотѣлось. Впрочемъ и на мою долю доспалось того, что называюшь удовольствіями жизни: я видѣлъ свѣтъ Европейскій и Азіяпскій—видѣлъ больше, чѣмъ нужно для моего счастья. Говорятъ, что добродѣтель сама себѣ награда. Надобно же, чпобъ она хорошо плашила за шрудъ, копорый намъ доставляетъ. Въ двадцать пять лѣтъ, когда уже лучшая часть жизни мпновалась, слѣдовало бь *къмъ нибудь* да бытъ, а что я такое? Не болѣе, какъ человекъ двадцати пяти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Что я видѣлъ? Вездѣ топъ же мужчина; да,

вездѣ та же и женщина. Подайте мнѣ Магомешанна, который бы никогда не дѣлалъ вопросовъ, и самку той же породы, которая бы избавляла пруда ихъ дѣлать. Если бѣ не эта чума и желтая лихорадка, если бѣ не промедленіе съ Невиседомъ (*), ужъ я теперь былъ бы во второй разъ у Эвксина. Раздѣлавшись съ послѣднимъ, я не погляжу на заразу, и что бѣ ни случилось, а весною шамъ буду, если только не женюсь или не *разженю* между тѣмъ кого нибудь. Хотѣлось бы, чтобъ кто нибудь былъ . . . по правдѣ, я самъ не знаю, чего бы мнѣ хотѣлось. Спрашно! чего я ни пожелаю серьезно, — все сбывается, и во всемъ я раскаиваюсь послѣ. Начинаю думать, вмѣстѣ съ добрыми стариками, волхвами, что надобно молиться только за народъ, а не за одно лице; но по моимъ правиламъ, шупъ не много было бы папріонизма.

Безъ разсужденій — къ дѣлу! — Вчера вечеромъ, я кончилъ Зюлейку, свою вторую Турецкую Сказку. Мнѣ кажется, это сочиненіе помѣшало мнѣ умереть; я занялся имъ, чтобъ только отъвернуть свои мысли отъ воспоминанія о ***. „Имя драгоценное и священное! останься навсегда неизвѣстнымъ!“,

По крайней мѣрѣ здѣсь дрогнула бы рука

(*) Невиседъ въ то время продавался.

моя написать его. Сего дня послѣ обѣда слегъ я сцены изъ Комедіи, которую было началъ. Думаю написать Романъ, или Сказку въ прозѣ; но Боже мой, какой Романъ можешь сравниться съ дѣйствительностію?

Quaeque ipse . . . . . vidi

Et quorum pars magna fui.

Сегодня приходилъ ко мнѣ Генрихъ Байронъ съ маленькою кузиною Элизой. Когда вырастетъ, она будетъ красавица и бичъ; но теперь пока, прелестное дитя! Глаза темнокаріе, и такія длинныя, черныя рѣсницы, какъ вороново крыло. Мнѣ кажется, она прекраснѣе моей племянницы Жеоржины, однако мнѣ вѣрнѣе не хочется, чпобъ такъ эпо было, и хотя постарше, она не такая умница.

Далась приходилъ, когда я спалъ еще, и мы не видались. Былъ у меня также Левисъ; онъ всѣмъ недоволенъ и все хулитъ. Чего ему надобно? Вѣдь онъ не женатъ. — Развѣ потерялъ любовницу, или жену ближняго своего? Годгсонъ также былъ— онъ женился; пакого рода человекъ, что женитьба сдѣлаетъ его счастливымъ. Въ немъ есть дарованія, веселость, все, что дѣлаетъ пріятнаго компаньона: невѣста его прекрасна, молода и все оспальное. Но я никого не видалъ, кто бы выигралъ женитьбою. Всѣ мои современники,

подпавшіе этому игу, сдѣлались лысы и недовольны, V... и S... потеряли вдругъ и волосы и веселость, а послѣднему было что перяшь въ этомъ отношеніи. Но когда уже разъ пустился по дорогѣ супружества, нужды нѣтъ, что бѣ ни *отдѣлилось* опть лба мужчины.

Меморанда: завтра купишь игрушку для Элизы, и послашь девизъ на печать, для меня и для * * *; не забудь также съѣздить къ Г-жѣ Спаль, къ Леди Голландъ и къ * *, который совѣтовалъ мнѣ (надобно прибавить, не читавши), чпобъ я не издавалъ своей Зюлейки; думаю, что онъ правъ, но ему бы должно было знать по опыту, что не печаташь естъ вещь *физически* невозможная. Никто не видалъ ея (Зюлейки), кромѣ Годгсона и Жиффорда. Никогда я не *читаю* сочиненія: развѣ Годгсону, который плашишь мнѣ пою же монешю. Ужасный человекъ, кто часто читаетъ; ужъ лучше печаташь: тогда читай, кто хочешь, а если не нравится читателямъ, знаешь по крайней мѣрѣ, что они *купили* право это сказать.

Я отказался представить прошеніе должниковъ; эти Парламентскія бредни для меня скучны. Я при раза говорилъ въ Палатѣ, но сомнѣваюсь, чпобъ когда нибудь сдѣлался орапоромъ. Первая моя рѣчь понравилась; впо-

рая и претпья — не знаю, имѣли успѣхъ или нѣтъ. Никогда я не принимался за это сопараторе. Всегда чтонибудь найдешь, чтобы извинить свою лѣность или неспособность, или то и другое вмѣстѣ, и вопъ мое извиненіе. „Общество; дурное общество меня погубило“, а къ тому, я принималъ зелье не пакое, чтобы заспавить себя любить, а пакое, и въ большомъ количествѣ, чтобы ненавидѣть самого себя.

Третпьяго дня вечеромъ, я видѣлъ пигровъ въ Exeter-Change; кромѣ льва Вели-Паши въ Моретъ, который, какъ собака, ходилъ за своимъ спорожемъ Арабомъ, всего болѣе забавляла меня гѣна привязанностию къ своему спорожу! Тупъ былъ гипшопамаъ, почъ въ почъ похожій на Лорда Л. . . . ; и льнивецъ, манерами и даже голосомъ, совершенно сходный съ моимъ камердинеромъ; но пигръ много разговаривалъ. Слонь бралъ у меня и возвращалъ мнѣ деньги, снималъ съ меня шляпу, открывалъ дверь, пряталъ плешь въ своемъ хоботѣ, и пакакъ хорошо велъ себя, что я желалъ бы имѣть его своимъ дворецкимъ. Одинъ изъ леопардовъ есть безъ сомнѣнія красивѣйшее въ мѣрѣ живошное, но бѣдныя газеллы умерли. Я бы не могъ и видѣть ни одной здльсь. Верблюдъ заспавилъ меня вздохнуть о Малой Азій. „Oh quando te aspiciam? . . . .“

16 Нолбръ.

Вчера пошелъ я съ Левисомъ смопрѣшь *Антонія и Клеопатру*; піеса, обставленная и сыгранная славно: саладъ изъ Шекспира и Драйдена. Клеопатра изумляетъ меня, какъ образецъ своего пола: влюблена, жива, мрачна, нѣжна, капризна, покорна, горда, прекрасна — чортъ возьми! Кокешка величайшая, съ аспидомъ, точно какъ и съ Антоніемъ. Упопробивъ все, чѣмъ его убѣдишь . . . . но зачѣмъ упрекають его (Антонія), что заставилъ опрубить голову турсу Цицерону? Развѣ Цицеронъ не говорилъ Брусу, что жалъ щадить Антонія? Развѣ онъ не говорилъ Филиппикъ? А слова развѣ не дѣла? И пакія слова развѣ не кровавыя дѣла? Если бѣ у него и сто головъ было, онъ бы заслуживалъ, чѣмъ Антоній велѣлъ каждую посадить на лезвее (куда впрочемъ попала его собственная), хотя попомъ онъ, можетъ быть, и хорошо бы сдѣлалъ прошивъ него, пускай и просто для чески самага дѣла. Но возвратимся къ Клеопатрѣ: увѣрившись въ Антоніи, и когда уже знала, что онъ ни съ мѣста, она говоритъ ему: „но спупай! въ томъ твоя польза“ и проч. Вотъ женщина! и попомъ всѣ эти вопросы объ Октавіи! О! это женщина съ головы до ногъ!

Сегодня приглашеніе Джерзел опспра-

выпѣся въ Мидлепонъ: проѣхавъ шестьдесятъ миль для свиданія съ Г-жею * * *. Однажды проѣхавъ я тысячу, чѣмъ бы съ людьми, которые бы умѣли молчать, а эта дама *пишетъ* въ осьмушку (*des in-octavo*), а говоритъ въ листъ (*des in-folio*)! Я читалъ ея сочиненія; большею частію люблю ихъ, а послѣднимъ восхищенъ; но не хочу ни слушать ее, ни читать. Сегодня читалъ я Борнса. Если бъ онъ родился паприціемъ, что бы онъ былъ? Намъ досталось бы болѣе полировки, но менѣе силы; сколько же стиховъ, но ни сколько безсмертія; разводъ и одна или двѣ дуэли, а еслибъ избавился ихъ, то могъ бы достигнуть старости Шеридана и пережить самого себя, какъ бѣдный Бринслей. Какая печальная развалина эпошъ послѣдній! и все это кораблекрушеніе отъ недостатка руля, ибо никому не дулъ такой благопріятный вѣтеръ, однако были и шквалы. Бѣдный Шерри! никогда не забуду дня, который провели вмѣстѣ: онъ, Рожерсъ, Муръ и я; онъ говорилъ съ шести часовъ вечера до часу утра, и мы слушали его, не зѣвнувъ ни разу.

Печати получилъ . . . . .
 Игрушку забылъ купить для Элизы. Надѣюсь, Генрихъ опять приведетъ ко мнѣ малюшку. Послалъ корректурные листки послѣдняго

изданія *Глура* и *Невѣсты Абидосской* къ Лорду Голланду. Послѣдняя Поэма ему не понравилась; не думаю, чѣмъ и мнѣ нравилась долго. Она написана въ четыре ночи, чѣмъ заглушилъ мои сновидѣнія о * * *, безъ чего я никогда бы не сочинилъ ея. Но если бы я не задалъ себѣ эпического дѣла, то сошелъ бы съ ума, грызя себѣ сердце: горькая пища! Годсонъ предпочитаетъ *Невѣсту Глуру*; но онъ вѣрно одинъ эпического мнѣнія. Кромѣ того, онъ никогда не любилъ опрысковъ. Безъ Муррея послѣдняя Поэма никогда не была бы издана, хотя происшествія, составляющія ея основаніе, дѣлають ее . . . . ахъ! . . . .

Сегодня видѣлъ я двухъ сестеръ * * * ; Боже мой, какъ младшая на нее похожа! Чуть не бросился я черезъ всю залу, и очень радъ, что никого, кромѣ меня, не было въ ложѣ Леди Г. Ненавижу эпи сходства! Это пища, которая передразниваетъ, а не соловей! Зачѣмъ пробуждашь воспоминанія, и зачѣмъ дѣлаешь ихъ споль тяжкими! Все бѣситъ—и то, что похоже, и то, что заспавляетъ видѣть разницу.

„На землѣ нѣтъ созданія такого, какъ ты, а если бы и было, то вошце: за всѣ міры не хотѣлъ бы видѣть женщины, которая бы походила на тебя, и не была бы ты (*).“

(*) *Глуръ*.

22 Ноября.

Припоминаю себѣ, какое дѣйствіе произвела на меня первая спашья *Эдмилбургскаго Обзора*. Недѣль за шесть я о ней слышалъ. Когда появилась она, я прочиталъ, и потомъ обѣдалъ и выпилъ при бутылки *Бордосскаго* съ С. Б. Девисомъ; ѣлъ и спалъ не меньше обыкновеннаго, и за всѣмъ тѣмъ не прежде успокоился, какъ изливъ свой гнѣвъ и свои рѣшмы на тѣхъ же самыхъ страницахъ, прошивъ цѣлаго свѣта. И мнѣ, какъ Георгу въ *Ваксфильдскомъ Священникѣ* „судьба моихъ парадоксовъ“ не позволяла ни въ комъ признавать достоинства. Я помнилъ только правило моего учителя *боксировки*, применение котораго казалось мнѣ чрезвычайно полезнымъ во всѣхъ общихъ схваткахъ: „кто не за васъ, тотъ прошивъ васъ; и пакъ безъ всякаго разбора, бейте на право и на лѣво.“ Я то и сдѣлалъ; какъ *Измаилъ*, я на всѣхъ простеръ свою руку, и всѣ на меня возспали. Конечно я изумленъ былъ своимъ успѣхомъ и „восхищенъ, что столько ума мнѣ принадлежить“, какъ *Гобгузъ* говорилъ о комъ - то иронически, можетъ быть обо мнѣ же, потому что мы съ нимъ старинные друзья. Если бы можно было переначать, я не сдѣлалъ бы того же. Последъ перечиталъ я то, что пода- ло поводъ къ моей саширь и, по правдѣ, дѣй-

спивіе не было соразмѣрно причинѣ. С * * * мнѣ сказывалъ, что по одному изъ моихъ стиховъ полагаютъ, что я хотѣлъ намѣкнуть на нервную болѣзнь Лорда Кармилла. Благодарю небо, что я не зналъ объ этой болѣзни; а если бъ и зналъ, то не могъ бы и не захопѣлъ бы дѣлать такого намѣка. Мнѣ естественнo, всего менѣе должно забавляться на счетъ личныхъ недосмапковъ или болѣзней въ другихъ.

Рожерсъ молчаливъ и слыветъ суровымъ. Когда онъ говоритъ, то говоритъ хорошо, и обо всѣхъ предметахъ вкуса выражается съ деликатностію, подобною числотѣ его поэзіи. Когда вы входите къ нему въ домъ, его гостинная, библіотека, все сказывается вамъ, что это жилище не простаго ума. Нѣтъ бездѣлки, медали, книги, небрежно брошенной на каминъ, на софу или на столъ, которая бы не показывала почти хвастливой разборчивости хозяина. Но эта чрезмѣрная деликатность должна быть мученіемъ его жизни. О, сколько хлопотъ и неудовольствій надобно было ему перенести въ свой вѣкъ!

Я мало видалъ Сушея! Вся особа его *эпическая*; и это единственнѣйшій человекъ, котораго можно назвать вполне Липерапорономъ. Всѣ другіе имѣютъ какія нибудь занятія, оидѣльно оидѣ авпорскаго ремесла. Его

обращеніе, хоть не совершенно такое, какъ у людей свѣтскихъ, но исполнено любезности, а таланты первокласные. Проза его совершенна. О стихахъ мнѣнія различны. Можетъ быть, онъ слишкомъ много написалъ ихъ для нынѣшняго поколѣнія: попомство сдѣлаетъ выборъ. Есть у него мѣста, которыя могутъ поспорить, съ чѣмъ угодно. Теперь имѣетъ онъ *parties*, а не *публику*. Не говорю о прозаическихъ сочиненіяхъ. Его *жизнь Нельсона* превосходная вещь.

Муръ имѣетъ индивидуальность въ своемъ талантѣ, или лучше въ своихъ талантахъ; — его поэзія, его музыка, его *голосъ* свойственны только ему: и во всемъ есть такое выраженіе, какимъ никто не обладалъ и обладать не будетъ. Но какъ Поэтъ, онъ можетъ еще вознестись выше. Сколько оспрошны, веселости, наконецъ всего въ *Post-Vag!* Есть ли что, чего бы Муръ не могъ сдѣлать, когда только серьезно займется! Обращеніе у него лучшаго общесства; онъ привѣтливъ, крошечъ, любезенъ, какъ никто изъ всѣхъ, кого знаю. Что до правилъ чести и независимости, его поспунокъ съ * * * провозглашаетъ ихъ звуками трубными. Я знаю за нимъ только одинъ недостатокъ, который всякій день меня огорчаетъ — тошъ, что его нѣтъ *здѣсь*.

Вардъ (Ward, нынѣ Лордъ Дудлей): я люблю Варда. — Клянусь Магометомъ! мнѣ кажется, что я начинаю любить цѣлый свѣтъ — это склонность такого рода, что ее ободрять не надобно — родъ общественнаго обжорства, которое заспавляетъ голова все, что ни попадется: за всѣмъ тѣмъ я люблю Варда. Онъ заманчивъ (riquant), и я такого мнѣнія, что онъ займетъ высокую степень въ Паламъ и вездѣ: по крайности, если выдержишь. Кспаши: завпра я у него обѣдаю; это весьма могло подѣйствовать на мое мнѣніе. Таково-то полагаешься и на благодарность *послѣ* обѣда. Сколько разъ слыхалъ я, какъ госпи браняшъ хозяина, когда еще губы не обсохли ошъ его бургонскаго.

Среда 24.

Обѣдъ у Варда проведенъ хорошо. Не было ни одного непріятнаго человѣка, если только я не оскорбилъ кого, но и этого не могло бытъ, потому что я говорилъ мало и ни въ чемъ не прошиворѣчилъ. Чарпъ (человѣкъ съ умомъ тонкимъ и образованнымъ, жившій въ кругу первыхъ лицъ своего времени: Фокса, Горна, Туке, Виндама, Фиц-Паприка и всѣхъ погдашнихъ дѣйствовашихъ и *огненныхъ языковъ*) рассказывалъ намъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Виндамомъ, за

нѣсколько дней до роковой операціи, которая „заставила великую душу его воспарить къ небу.“ Виндамъ, первый по своему паланцу въ самой возвышенной опрасли краснорѣчія, и имѣвшій только помъ недоспапокъ, что былъ превыше понятій половины своихъ слушапелей, — Виндамъ, который половину жизни своей провель, принимая самое дѣяпельное участіе въ происшествіяхъ свѣта, и былъ однимъ изъ тѣхъ, которые управляютъ націями, — онъ, эпопъ человекъ жалѣмъ, и даже съ выраженіемъ горести, что не посвятилъ себя совершенно Липерапуръ и Наукамъ!!! Умъ его конечно вознесъ бы его на первую степень, и шамъ, какъ и вездѣ; но я не могу понять той слабости души, которая могла возродить въ немъ подобное сожалѣніе. Я, его слышавшій, жалѣю только о томъ, что не услышу его болѣе. Какъ! Виндаму хотѣлось быть сиднемъ, блѣднѣющимъ надъ книгами! метафизикомъ! можетъ быть реномплетомъ! бумаго-марашелемъ! Мысль о такой перемѣнѣ могла прійти развѣ отъ болѣзни. Но его уже нѣтъ, и „время не увидишь ему равнаго.“

(Окончаніе впереди.)

II.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

БИОГРАФИЯ

Графа Петра Васильевича Завадовскаго.

Поздно приношу неважную, но усердную дань памяти знаменитаго мужа. Не оправдываю себя ни занятіемъ по службѣ, ни щепетнымъ ожиданіемъ обещанныхъ мнѣ свѣдѣній о пѣкопорохъ предметахъ, касающихся особенно до его молодыхъ лѣтъ; но лучше поздно, нежели никогда. Можесть бысть, болѣе всѣхъ, ошъ меня ожидають начертанія его дѣлній на поприщѣ жизни и служенія опечесиву; болѣе всѣхъ попому, что я имѣлъ честь служить при немъ, въ бытность его Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ самаго учрежденія Министерствъ до окончанія управленія его симъ Министерствомъ. Посему рѣшаюсь изложитъ здѣсь то, о чемъ могъ я собрать свѣдѣнія, и что мнѣ самому извѣстно.

Родители Графа Петра Васильевича Завадовскаго принадлежатъ къ числу ихъ, на которыхъ отражается слава ихъ дѣшей, и кои, можесть бысть, никогда бы не были извѣстны, если бы не озарены были сіяніемъ заслугъ достойнѣйшаго ихъ сына. Ему - по обязаны

они пѣмъ, что съ удовольствіемъ разсказываюшъ намъ нѣкопорыя черты изъ ихъ семейственнаго быта.

Отецъ Графа Петра Васильевича служилъ въ Малороссійскомъ войскѣ въ первыхъ офицерскихъ чинахъ; былъ женатъ на Шираевой, которая, хотя по своему происхожденію и достатку ея родителей, была съ нимъ весьма неравна; но плѣняясь оптимною его красотою и душевными качествами, вышла за него замужъ, и великодушно переносила всѣ непріятности убогаго состоянія; ибо все имущество мужа ея состояло въ небольшой доставшейся ему по наследству деревнѣ, по имени *Красовичи*, которая находилась въ безплодныхъ мѣстахъ въ дремучемъ лѣсу, около пятидесяти верстъ отъ Малороссійскаго города Спародуба. Въ послѣдствіе времени, смотря на окружавшихъ ее малолѣтнихъ дѣтей, коихъ она сама вырощала съ материнскою нѣжностію, друзья и ближніе иногда изъявляли ей соболъзнованіе объдномъ ея состояніи; но она всегда отвѣчала съ улыбкою: „посмотрѣвъ на мужа своего, я все забываю.“ У Завадовскихъ было пять сыновей: Графъ Пётръ Васильевичъ былъ второй изъ нихъ. Онъ родился въ упомянутой деревнѣ Красовичахъ въ 1759 году. Можетъ быть, еще на зарѣ жизни его проявились признаки отличныхъ качествъ

его души, но за тѣмъ не наблюдали, а прилагали спараніе воспитывавъ его сообразно возрасту и возможности. Извѣстно полько, что дядя его, Михайло Ширай, коего многія оспроумныя изрѣченія и дѣянія понынѣ еще пересказываются въ томъ краю, бывъ Подкоморіемъ въ Малороссіи, принялъ Пепра Завадовскаго и спаршаго брата его къ себѣ, и воспитывалъ ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Опшуда Пепръ Завадовскій опсправленъ былъ въ мѣспечко *Оршу*, что нынѣ повѣповый городъ Могилевской Губерніи, для продолженія наукъ въ Езуитскомъ Училищѣ, гдѣ пріобрѣлъ опспичныя свѣдѣнія въ наукахъ, также въ Польскомъ и Лапинскомъ языкахъ. Многіе читали даже въ то время сочиненныя имъ Разсужденія на Лапинскомъ языкѣ и удивлялись, находя въ коропкихъ словахъ глубокія мысли. Въ Кіевской Академіи онъ окончилъ свое ученіе. Французскому языку научился уже не въ училищахъ, и зналъ его сполько, сколько нужно было для выраженія своихъ мыслей въ случаѣ полько необходимости и для того, чтобъ понимать лучшихъ Французскихъ Писателей во всякомъ родѣ, а особливо по часпи Словесности и Законодательства. Одинъ примѣръ Графа Завадовскаго долженспвовалъ бы убѣдить насъ въ томъ, что блиспательное воспитаніе слабо предъ

воспитаніемъ основательнымъ; впрочемъ въ Графѣ всегда была замѣтна нѣкоторая заспѣнчивость, коль скоро надобно было ему объясняться на языкѣ Французскомъ; онъ чувствовалъ сей недоспапокъ.

Въ гражданскую службу вступилъ онъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, въ находившуюся тогда въ городѣ Глуховѣ Малороссійскую Коллегію, гдѣ былъ попомъ Кіевскимъ повыщникомъ.

Не удивительно, что успѣхи въ познаніи должности обратили на него вниманіе всѣхъ начальниковъ; прилежаніе, всегдашняя скромность и природныя дарованія скоро доставили ему мѣсто у Генераль-Фельдмаршала Графа Румянцова - Задунайскаго, котораго, вступивъ въ управленіе Малороссійскимъ краемъ послѣ Гешмана Графа Разумовскаго, потребовалъ опъ Коллегіи самыхъ отличныхъ чиновниковъ. Прежде нежели вошелъ Завадовскій въ полную къ нему довѣренность, выдержалъ онъ довольно испытаній, въ послѣдствіи бывшихъ для него полезными: однажды докладывалъ онъ Фельдмаршалу дѣло, нѣсколько ему извѣстное, о преступникахъ, подпавшихъ уголовному суду, и сдѣлалъ прочитай его. „Завадовскій! ты очень скоро прочитай это дѣло,“ сказалъ Фельдмаршалъ: „я не понялъ хорошо; поди домой, прочитай раза два и раз-

бери его.“ — Въ самомъ дѣлѣ, при вторичномъ докладѣ нашлись нѣкоторыя перемѣны. „Когда отъ моего рѣшенія,“ сказалъ Фельдмаршалъ, „зависитъ участь людей, тогда не должно спѣшить, а болѣе разсматривать.“ Сей случай, говаривалъ самъ покойный Графъ, такъ глубоко въ немъ впечатлѣлся, что остался въ памяти на всю жизнь, и онъ никогда уже не пропускалъ дѣла безъ того, чтобы не разсмотрѣть его тщательнѣе. Иногда Фельдмаршалъ заставлялъ его писать трудныя дѣла; въ такихъ случаяхъ находили Завадовскаго въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ съ карандашемъ въ рукѣ; онъ, казалось, вынуждалъ изъ себя идеи, не довѣрялъ имъ, и погружаясь въ глубокія размышленія, изыскивалъ тѣ высокія мысли, которыхъ послѣ удивлялись.

Проницательность Фельдмаршала, такъ сказать, сверхъестественная, безошибочно узнавала способности въ другихъ съ перваго взгляду, употребляла ихъ на пользу и усовершенствованію, самыя обширныя и основательныя его познанія во всѣхъ частяхъ, какъ знаменитаго Полководца, такъ и великаго Министра, коихъ обоихъ соединялъ онъ въ себѣ въ высочайшей степени, ясность въ выраженіи глубокихъ мыслей и необычайное его краснорѣчіе были наилучшимъ училищемъ для природныхъ дарованій Завадовскаго.

Въ семь-то училищѣ, каковымъ не каждое спольпіе бываетъ счастливо, приготоваемъ онъ былъ издали къ тому пуши, который надлежало ему нѣкогда проходить. Наконецъ онъ сдѣлался Правителемъ Тайной Канцеляріи Фельдмаршала, и всюду сопровождалъ его, въ чинѣ Полковника. Онъ былъ самовидцемъ важнѣйшихъ его побѣдъ, которыя изображая въ реляціяхъ съ особеннымъ краснорѣчіемъ, началъ бытъ по онымъ замѣчаемъ.

По окончаніи первой Турецкой войны, Великая Екатерина, онъ взора Коея не могли нигдѣ скрыться дарованія и способности, вызвала Полковника Завадовскаго къ себѣ, и 1775 года Юля въ 10 день опредѣлила его для принятія челобитень. Такимъ образомъ изъ училища знаменитаго Полководца и Министра перешель онъ подъ руководство, и, можно сказать, въ самую близкую довѣренность премудрѣйшей изъ Монархинь. Вскорѣ попомъ, и именно въ 11-й день Декабря 1775 года, Всемилоспивѣйше пожалованы ему деревни, и въ непродолжительное время онъ произведенъ въ Генераль-Маіоры. Въ 1-й день Января 1780 года пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ; въ семь же году Высочайше возложено на него ревизовать Санктпетербургскую Губернію. Съ возвышеніемъ по службѣ возрасала и слава его,

какъ опличнаго сочинителя государственныхъ бумагъ; имъ писаны были многіе Маннфесны, исполненные глубокихъ мыслей и папріюпическаго чувствованія; они, равно и мнѣнія его, были всѣми переписываемы и зашверживаемы наизусть.

Между пѣмъ премудрая Монархія явила верхъ своего довѣрія, удостоивъ его участвовать въ сочиненіи Ею Наказа, сего бездѣннаго плода глубокихъ Ея размышленій и познаній въ законодательствѣ. Одного сего уже доспапочно, чпобъ имя Завадовскаго навсегда почпенно было въ глазахъ его соотечественниковъ.

Учрежденіе о Губерніяхъ, Высочайше утвержденное въ 7 день Нолбря 1775 года, было также плодомъ долговременныхъ его размышленій: счастливое время введенія сего учрежденія въ Россію, повсей справедливости, считается самымъ швердымъ основаніемъ государственнаго благоустройства, простаго и неложнаго хода дѣлъ, и величія, до котораго она достигла; оно было не занятое изъ чужеземныхъ законоположеній, а собственное изобрѣшеніе глубокомысленнаго ума, духу народа и пользамъ опечеслива свойственное. Известно, чпо никто болѣе Завадовскаго не участвовалъ въ семъ законоположеніи, за чпо

Великая Императрица осыпала его почестями и щедротами.

Часть народного просвѣщенія пипала душу его, и онъ ничѣмъ не занимался съ такимъ удовольствіемъ, какъ симъ предметомъ. Въ 7 день Сентября 1782 года, намена Тайнаго Совѣтника Завадовскаго и Дѣйствительныхъ Спартскихъ Совѣтниковъ Эпинуса и Паспухова, послѣдовалъ Высочайшій Государыни Императрицы Указъ, въ коемъ Ея Величество, изъявляя свое соизволеніе на учрежденіе Коммисіи для успроенія народныхъ школъ и соспавленія книгъ для сихъ училищъ, назначилъ изволила сихъ особъ къ соспавленію оной, подъ собспвеннымъ Ея Величества вѣдѣніемъ. Съ сего времени Завадовскій, и какъ Предсѣдатель Коммисіи, и какъ любитель наукъ, со всею ревностію пекся объ исполненіи благошворнаго намѣренія Монархини. Коммисія не замедлила начерпашъ планъ къ единообразному учрежденію народныхъ училищъ, который въ концѣ того же мѣсяца и года Завадовскимъ предспавленъ былъ Государынѣ Императрицѣ и удостоенъ Высочайшаго одобренія Ея Величества.

Всѣмъ извѣстны мудрыя поспановленія, въ планѣ семъ изложенныя; равно и книги, ясноспію своею и прспостою правилъ оп-

личающіи, какъ въ руководство учителей
 пакъ и учащихъ, частію переведенныя съ
 иностранныхъ языковъ, частію сочиненныя
 на Русскомъ языкѣ. Вскорѣ по начертаніи
 плана народнымъ училищамъ, и именно въ
 1783 году, для удобнѣйшаго снабженія оныхъ
 потребнымъ числомъ учителей, открыто въ
 Санктпетербургѣ Главное Народное Училище,
 при которомъ, сверхъ вольно-учащихъ, Вы-
 сочайше повелѣно учить и содержащъ на ка-
 зенномъ иждивеніи не меньше ста человекъ
 для должностей учительскихъ изъ духовныхъ
 Семинарій, изъ школъ воинскихъ командъ, и
 изъ добровольно-желающихъ. Для образованія
 сихъ учителей употреблены были Академики
 С. Петербургской Академіи Наукъ и Про-
 фессоры Московскаго Университета. По окон-
 чаніи круга ученія въ Главномъ Народномъ
 Училищѣ, попеченіемъ Завадовскаго, въ 1786
 году открыты народныя училища, въ губер-
 ніяхъ: Архангельской, Псковской, Смолен-
 ской, Тульской, Калужской, Орловской, Кур-
 ской, Ярославской, Вологодской, Владимір-
 ской, Костромской, Нижегородской, Пензен-
 ской, Казанской, Вятской, Симбирской, Са-
 раповской, Воронежской, Рязанской, Тамбов-
 ской, Пермской и Московской. А для откры-
 тія училищъ въ прочихъ Губерніяхъ и по-
 сылки въ Англію для усовершенія себя въ

разныхъ полезныхъ знанійхъ, Высочайшимъ Указомъ, сосполвишимся на имя Петра Васильевича, въ 30 день Октября 1786 года, повелѣно ему съ Преосвященнымъ Гаврииломъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С. Пепербургскимъ, согласиться о присылкѣ къ нему въ Коммиссію о народныхъ училищахъ изъ Кіевской Духовной Академіи тринадцати, изъ Черниговской и Переяславской Семинарій по пятнадцати, да изъ прочихъ ближнихъ Епархій сорока человекъ, имѣющихъ довольныя основанія въ наукахъ, какія въ оныхъ духовныхъ училищахъ преподаются, и природными способностями объщающихъ впредь вѣщшіе успѣхи въ тѣхъ знаніяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. По окончаніи сими учительскими кандидатами наукъ, имъ преподаваемыхъ, въ 3 день Ноября 1788 года Высочайше повелѣно открыть Главныя Училища и въ оспальныхъ Губерніяхъ, а именно: въ Выборгской, Ревельской, Рижской, Полоцкой, Могилевской, Новгородско-Сѣверской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Кавказской, Уфимской, Колыванской, Тобольской и Иркутской.

Оцѣняя государственнаго человека, надобно имѣть мѣрломъ пользу, какую доставили его заслуги и постановленія или заведе-

нія, въ коихъ дѣлательность его участвовала. Сколь полезны народныя училища, безсмертный нашъ Панигирисъ Екатерины Великой о семъ такъ говоритъ: „Еще Монархія не ограничила системы государственнаго просвѣщенія заведенными ею воспитательными обществами, какъ для благороднаго, такъ и для мѣщанскаго сословія. Лучи солнечныя перьяютъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкопородныхъ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихъ дѣйствовать. Екатерина учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — народныя училища, чпобы разлитъ, такъ сказать, богатство свѣта по всему Государству. Особенная Коммиссія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроитъ ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенью къ высшимъ знаніямъ, и сами собою достаточны уже для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сія школы, образуя учениковъ, могутъ образоватъ и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени лнѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ мо-

гущь и должны быть полезныѣ всѣхъ Академій въ міръ, дѣйствуя на первые элементы націи; и смиренный народный учитель, который дѣпямъ бѣдности и прудолюбія изъясняетъ буквы, арифметическія числа, и рассказываетъ въ простыхъ словахъ любопытный случай Исторіи, или, развертывая моральный капи-хизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно челоуѣку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣ Метаматематика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно, или мудраго Натуралиста, Физиолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Если въ городахъ, едва возникающихъ въ семь новомъ твореніи Екатерины, еще не предспавлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народного богатства, взоръ патриота чиналъ на смиренныхъ домиклахъ любезную надпись: *народное училище*, и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархиней среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тогъ любилъ и восхвалялъ Просвѣщенительницу Отечества, видя и слыша въ стѣнахъ мирной хижины юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордо-

стію полкующаго своимъ родителемъ нѣкоторыя простыя, но любопытныя испины, свиданныя имъ въ полъ день опъ своего учшеля.“

Въ послѣдствіе времени, то есть, въ 1788 году, учреждена была особенная Коммисія для сочиненія проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка, въ коей Тайный Совѣтникъ Завадовскій Высочайше назначень былъ Предсѣдателемъ. Мало было вновь учреждаемыхъ заведеній, гдѣ бы не пребовали опъ него совѣповъ. Къ числу таковыхъ заведеній принадлежатъ: совершенное преобразование Заемнаго Банка и учрежденіе Ассигнаціоннаго, коихъ Уставы были произведеніемъ проницательнаго ума Завадовскаго.

Между сими важными занятіями, не уклоняся онъ опъ другихъ: былъ Спроишелемъ Исакиевской церкви, Главнымъ Дирекпоромъ Банковъ, занимался устройствомъ часни медицинскои, присупствовалъ въ Сенатѣ, въ Совѣтахъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дввиць, Училища Ордена Св. Екаперины, и исполнялъ множесво другихъ подобныхъ порученій, пользуясь по самую смерть Императрицы опличною Ея довѣренностію и благоволеніемъ, получивъ запѣмъ и шипло Графа.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ утвердилъ Графскій его дипломъ и пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея; но къ концу царствованія Его Графъ Завадовскій жилъ въ Малороссійской деревнѣ своей не у дѣлъ, въ уединеніи, среди своихъ родныхъ и преданныхъ ему единоземцевъ. Судьба однако жъ не долго оставила его въ бездѣйствіи: Императоръ Александръ Первый, въ самый день восшествія Своего на престолъ въ 1801 году, отправилъ къ нему гонца съ самымъ лестнымъ Рескриптомъ, призывая его къ полезнымъ трудамъ, и въ 5 день Іюня погожъ года данъ Правительствующему Сенату Высочайшій Указъ, коимъ Коммиссія о составленіи законовъ, подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Государя Императора, поручена была въ непосредственное управленіе Графу Завадовскому, который на сей случай снабженъ былъ отъ Его Величества надлежащимъ наставленіемъ.

Въ семъ наставленіи, изложенномъ въ Высочайшемъ Рескриптѣ, состоявшемся на имя Графа Завадовскаго, между прочимъ сказано: „Къ совершенію сего, Мнѣ кажется нужнымъ избрать челоуѣка, который бы, сверхъ обширныхъ по сей часи слѣдствій, имѣлъ и доспачное познаніе о дѣйствіи бывшихъ доселѣ Коммиссій, дабы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе

могъ онъ все привеспъ въ надлежащее движеніе.“

„Находя въ васъ всѣ сіи свойства, и зная съ одной стороны, съ какимъ успѣхомъ употреблены вы были прежде по сей часпи, съ другой бывъ удосповѣренъ, что честь содѣйствовать пользамъ опечества въ столь важныхъ опношеніяхъ не можетъ не быть для васъ чувствительна, Я поручаю вамъ сіе дѣло во всемъ его пространствѣ, вѣряя вашему непосредственному управленію существующую нынѣ Коммиссію о законахъ, подъ единственнѣмъ моимъ вѣдѣніемъ.“ И въ 8 пунктѣ наспавленія изображено: „Я счисляю почти излишнимъ здѣсь примѣчать, что предположенія, въ Наказѣ Любезнѣйшей Бабки Моей, Государыни Императрицы Екатерины II помѣщенные, содержатъ въ себѣ избраннѣйшія въ семь родѣ истины, и могутъ пролить великій свѣтъ на упражненія Коммиссіи. Вамъ извѣстно сіе болѣе, нежели кому либо другому.“

При учрежденіи Министерствъ Графу Завадовскому въ 1802 году поручена любимая имъ часть: управленіе Министерствомъ Просвѣщенія, въ вѣдѣніе коего вошли Академіи Наукъ, Художествъ, Россійская, попомъ и Медико-Хирургическая; Университеты, Гимназіи и другія ученныя и учебныя заведенія народнаго

просвѣщенія. Такимъ образомъ онъ вновь служилъ орудіемъ къ распроспраненію въ отечествѣ нашемъ просвѣщенія. Александръ первый, шествуя по слѣдамъ Великой Бабки Своей, ввѣрилъ опытноспи его важную часть народнаго образованія. Соображаясь съ благоптворительною волею Его Величества, Графъ Пешръ Васильевичъ, обще съ Главнымъ Правленіемъ Училищъ, поднесъ Государю Императору докладъ объ успроеніи училищъ и распроспраненіи наукъ въ Имперіи. Въ слѣдствіе сего, Января въ 24-й день 1803 года, Высочайше упверждены Предварительныя Правила народнаго просвѣщенія. На основаніи сихъ правилъ немедленно приспущено къ начертанію Уставовъ Университетамъ и подвѣдомымъ имъ училищамъ; по числу Университетовъ, существовавшихъ прежде въ Вильнѣ, Москвѣ и Дерптѣ и предположенныхъ вновь въ Санктпетербургѣ, Харьковѣ и Казани, успроены шесть учебныхъ или Университетскихъ округовъ съ причисленіемъ къ каждому изъ нихъ нѣсколькихъ Губерній, въ коихъ существовавшія училища надлежало преобразовать по новому плану и учредить новыя, и каждый округъ подчиненъ особому Попечителю. Округъ Санктпетербургскій составили училища Санктпетербургскія, Архангельскія, Новгородскія, Оло-

нецкія, и Псковскія; округъ Московскій: Владимірскія, Вологодскія, Калужскія, Коспромскія, Московскія, Рязанскія, Смоленскія, Тверскія, Тульскія, и Ярославскія; округъ Виленскій: Кіевскія, Виленскія, Вишебскія, Могилевскія, Гродненскія, Волинскія, Минскія и Каменець - Подольскія; округъ Дерптскій: Курляндскія, Лифляндскія, Эспляндскія и Финляндскія; округъ Казанскій: Аспраханскія, Вяпскія, Казанскія, Иркушскія, Кавказскія, Нижегородскія, Оренбургскія, Пензенскія, Пермскія, Сарановскія, Симбирскія, Тамбовскія, Тобольскія, Томскія; округъ Харьковскій: Воронежскія, Екашернославскія, Курскія, Орловскія, Полшавскія, Слободско-Украинскія, Таврическія, Херсонскія, Черниговскія, Новгородъ - Сѣверскія и земли Донскихъ Козаковъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

Ш.

АНТИКРИТИКА.

Озадаченный дерзостью Г. Александра, осмѣлившагося печатно усомниться во всезнаніи Г. М. Яковлева, (см. N 10 С. О.) Кришика, столько уже лѣтъ проповѣдующаго въ пустынь свои глу-

бокомысленныя замѣчанія, и кошорому нѣкто до-
нынѣ не хотѣлъ . . . . виновать, не смѣлъ ничего
возражать, Г. Андреевъ, съ рыцарскимъ энтузіаз-
момъ Донъ-Кихота, выступаетъ на полѣ безкров-
ной битвы, въ защиту сего новаго Жофруа. (см.
N 14. С. О)

Поелъ краткаго умничанья на счетъ будпо
бы неправильно употребленнаго Г. Александровымъ
выраженія, драматическаго разборъ, онъ вос-
кликаетъ: „а что представляется на нашемъ
„Театрѣ? посмотрите на афиши. Неудовольствія,
„(?) соединенныя съ занятіями Драматическою
„Литературою, отбили всѣхъ хорошихъ писате-
„лей (?) нашихъ отъ упражненій *въ семь родъ* 1).
„*Въ семь* отношеній, повторяю, труды Г. Яковле-
„ва достойны хвалы и одобренія. Признаюсь, въ
„сеченіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщаю нашъ Те-
„атръ, выжиживаю съ начала до конца пьесъ, и
„еще пишешь объ эпозѣ — подвигъ исполинскій!
„Дай Богъ здоровья и шерпѣнья Крисику (2).“ И
точно, подвигъ неимовѣрный! Нашъ Кристикъ болѣе
всѣхъ, кажется, чувствуетъ всю тяжесть своей
обязанности: *сидѣть съ начала до конца* пьесъ,
свыше его силъ; отъ того именно онъ никогда,
какъ нами замѣчено, не видитъ цѣлой пьесы; но

(1) Какъ жаль, а ихъ прежде было такъ много: первой,
другой, обчелся! А М. Яковлевъ съ своими водевилями? воз-
разитъ Г. Андреевъ. — Виновать. „Слона-то я и не при-
вѣтывалъ.“ *Примѣч. Сов.*

(2) Это восклицаніе невольно *напоминаетъ* извѣстный
стихъ Буало:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire;
но: я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю.

высидя съ трудомъ первый актъ, онъ въ продолженіе прехъ исчезаетъ, и является, какъ *красное солнышко*, къ пятому и послѣднему акту.— Разгуливать по холоднымъ театральнымъ коридорамъ для него гораздо пріятнѣе, нежели сморѣть дурныя пьесы и дурныхъ Актеровъ: *счасп а сон гоит*; однакожь съ такими привычками, Крипику весьма легко упрать свое здоровье, столь драгоценное для Г. Андреева. Что же касается до исполнскаго подвига Г. Яковлева, пишешь о Театрѣ, шо это со всѣмъ не такъ важно, какъ съ перваго взгляда кажется Г. Андрееву: пишешь такъ, какъ пишеть М. Яковлевъ, вовсе не трудно, а сверхъ того самоощверженіе его не совсѣмъ безкорыстно; ему воздася по достоинству какъ ошъ современниковъ, такъ и ошъ потомства.

Далѣ Г. Андреевъ говоритъ, „что безпаланныхъ дѣйствительнo должно миловать“ (похвальное состраданіе къ ближнему!) „они занимаюся Драмматическимъ Искусствомъ, какъ ремесломъ или должностью, которыя ихъ кормящ: „если бы не было ваканціи (1) Актера, они пошли бы въ полостеры, въ сторожа и ш. п.“ Премилый, преблагогородный отзывъ о Придворныхъ Актерахъ! Впрочемъ точно тоже можно сказать и о безграмотныхъ Крипикахъ: еслибъ они не были сотрудниками Журналистовъ, шо пошли бы въ сидѣльцы въ какой нибудь рядъ. „Но Аршиспы съ дарованіемъ,“ продолжаетъ Г. Андреевъ: „другое дѣло: для нихъ, исключительно для нихъ должна существовать

---

(1) Давно ли Актеры опредѣляются на ваканціи?

„кришики, и проч. Неужели истины, сказанныя
 „Г. Яковлевымъ Гг. Каратыгину и Бѣшенцову,
 „Г-жамъ Каратыгиной и Гусевой, могутъ называться
 „карами?“ — Гг. Каратыгинъ и Бѣшенцовъ,
 Г-жи Каратыгина и Гусева, Жофруа — и М. Яков-
 левъ,—какова паралель?—„Но какъ“, съ дѣпскою
 наивностью продолжаетъ Г. Андреевъ: „въ кри-
 „шикахъ на сценическихъ представленіяхъ можешь
 „быть оскорбленіе? Если Кришникъ правъ, Арписъ
 „истинный исправляется; если виноватъ, Арписъ
 „истинный тому смѣется.“ — На дѣльное замѣ-
 чаніе дѣльный и отвѣтитъ: пишете, Мм. Гг., кри-
 шникуйте, совѣшуйте, но пономъ приличнымъ,
 сужденіями основательными, безпристрастными,
 а не на обумъ, какъ, напримѣръ, Г. Яковлевъ; по-
 тому-то его кришики, кромѣ смѣху, ни въ комъ,
 никогда, ничего не производили и произведши не
 могутъ.—„Соглашаюсь“, пишетъ Г. Андреевъ: „что
 „мишуриному царю, который, размахивая руками
 „какъ крыльями телеграфа, и потрясая зычнымъ
 „гласомъ своды театра, извлекаетъ громкія
 „рукопесканія и на землѣ и въ поднебесной,
 „досадио услышать на другой день, что онъ
 „игралъ не такъ, какъ того ожидала и пре-
 „бовала просвѣщенная часть публики; но что
 „дѣлать?“ Помилуйте, Г. Андреевъ! неужели
 Г. Каратыгинъ, на котораго мѣчены всѣ сіи
 пошлыя острофы, въ теченіе десяти слиш-
 комъ дѣль слышалъ громкія рукопесканія
 одного только партера и райка? Гдѣ же спра-
 ведливость? Что же дѣлала оспалная часть пу-
 блики? На зло Гг. Яковлеву и Андрееву, и она

также въ теченіе 10 слишкомъ лѣтъ аплодировала паланшу Г. Карашыгина. Какое продолжительное счастье! не правда ли? Но вотъ что великій Суворовъ отвѣчалъ на подобныя замѣчанія: „День, счастье, мѣсяць счастье, годъ счастье, десять, лѣтъ счастье! — Воля ваша, господа, надо сколько,нибудь и умѣнья.“

Въ подтвержденіе порицанія М Яковлевымъ Трагедіи Танкредъ, Г. Андреевъ приводитъ (и очень ксшати) сужденіе Аббата Жоэруа: *L'espèce, d'intérêt, que l'on trouve dans la tragédie de Tancrede, coûte fort cher. Il faut acheter au prix d'un long eunuï quelques momens agréables.*“ Что же Критикъ хотѣлъ доказать этою выпискою? Аббатъ Жоэруа находилъ Трагедію Танкредъ только скучною, а не главною, какъ видно изъ разбора Г. Яковлева (см. N 1. С. П. на 1831 годъ). „Сужденіе Г. Яковлева объ игрѣ Акшеровъ въ Танкредъ, очень справедливо и изложено удовлетворительно. (Поздравляю Г. Андреева.) Оспаривая всю справедливость Г. Карашыгину, онъ замѣчаетъ, что, только въ третьемъ актѣ онъ (?) излишне надпрыгалъ голосъ. Гдѣ шумъ прошиворѣчіе? гдѣ, несообразность? И самъ Тальма, кошорый, разумѣется по понятію нѣкоторыхъ нашихъ хлопальщиковъ, Г. Карашыгину и въ подмешки (техническое слово временнаго сапожнаго цеха) не годится, слишкомъ кричалъ въ началѣ своего драматическаго поприща, но при всемъ томъ, игра его признана была совершенною въ своемъ родѣ.“ Да, и вѣроятно никто не рѣшился бы

дать ему прозвища шелеграфа, мяшурнаго царя, сороковой бочки и п. п. Да здравствуетъ въжливостъ нашихъ Кришниковъ! — Но она не удивительна; она ошесвѣчивается и въ сужденіяхъ о прагической игрѣ Г-жи Карашыгиной: „Тирады „прослыя (?), пѣжныя, тихія она чипаетъ умно, „съ чувствомъ, и хорошо; но въ порывахъ спра- „спи голосъ ей измѣняетъ: тоны хриплые, уду- „шливые, съ прудомъ выплывающа изъ груди, и „онъ этого напряженія выраженіе лица ея спа- „новнша весьма непріятнымъ, и все очарованіе „исчезаетъ. Ссылаюсь въ этомъ на всю публлку.“ Какова галимашья? И еще люди имѣютъ духъ ссылашья на всю публику, которая явно и громко показываешъ мнѣніе, совершенно противоположное симъ сужденіямъ. Вопросъ: какими глазами они видяшъ?

„Послѣ этого“, пишешъ Г Андреевъ: „Г. Александровъ нападаешъ на сужденіе о Трагедіи: „Кровавая рука, уличая Кришика въ томъ, что „онъ не такъ передалъ два мѣста Трагедіи. . . . Да „что дѣлать, если онъ ихъ не понялъ (такъ какъ „и много кой-чего), если переводъ сей Трагедіи ша- „ковъ, что съ перваго, другаго раза въ ней шолку „не доберешья?“

Брашъ, не финши, — не дамъ я въ обманъ! Можно не поняшъ нѣсколько стиховъ въ иномъ переводѣ, но не поняшъ сюжета Трагедіи значить: или вовсе не видѣшъ ея, или, видя въ просонкахъ, судишъ на обумъ.

„Г. Яковлевъ не думалъ говорить, что дол- „жно писашъ *промыселу*, а сказалъ шолко, что

„слово промыслъ имѣеть двоякое значеніе (неужели?!), слѣдственно затемишь смыслъ; напишише:

„По ремеслу и вывѣска бываетъ!“

„и дѣло будешь съ концомъ.“ — Кто, кромѣ М. Яковлева, привѣситъ вывѣску къ промыслу—провидѣнію, а не ремеслу (1)?

„Говорятъ, что Г. Карашыгинъ, переводя Трагедію Кальдерона, не думалъ о самолюбіи Литератора. Жаль! еслибъ подумалъ, то конечно перевелъ бы лучше.“ Г. Карашыгинъ, не думая о самолюбіи Литератора, вѣроятно перевелъ сію Трагедію по чистой совѣсти, сколько могъ лучше; если его переводъ не совершенство, то много ли у насъ (исключая Водевильей М. Яковлева) отличныхъ переводовъ? Даже самъ М. Яковлевъ со всѣмъ своимъ желаніемъ втопталъ въ грязь Кровавую руку, замѣшилъ только при или чештыре стиха (см. N 10 С. П.), которые не сославляютъ еще Трагедіи. Въ какомъ сочиненіи не найдется до десяти посредственныхъ стиховъ? За чѣмъ же въ трудахъ Архипста искать одного только дурнаго?—„Онъ думалъ-де о разнообразіи удовольствія почтенныхъ (!) (2) посѣщителей Театра, и Театръ былъ полонъ. Чего жъ вамъ больше?“ Разумѣется: чѣмъ же другимъ можно

(1) Развѣ по правиламъ Г. Андреева, который, за неимѣніемъ *vacанцій*, совѣтуешь Актерамъ ийти въ полощеры?

(2) Гг. Андреевъ и Яковлевъ, кажется, исключаютъ себя изъ общества *почтенныхъ* посѣщителей Театра?

опредѣлишь успѣхъ драматическаго произведенія?
 Неужели похвалами или бранью Г. Андреева?
 Стыдъ и смѣхъ!

Въ заключеніе, покорнѣйше прошу почтенныхъ читателей обратишь вниманіе на ярость, съ которою Г. Андреевъ нападаетъ Гг. Каратыгинныхъ.—Кришикъ оставляетъ въ покоѣ Г. Александрова, сознается, что онъ многого не понималъ, вершитъ ужомъ и жабой для того, чтобы весь ядъ излилъ на Архистовъ,—любимцевъ публики, серьезно занимающихся своимъ дѣломъ, и пренебрегающихъ безсмысленными прошиву нихъ выходками. Совѣтую симъ кришикамъ заучить извѣстные стихи покойнаго Сумарокова:

Достоинной похвалы невжда не умалишь,
 И шо не похвала — когда невжда хвалишь.

Карповъ.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ.

Элегія.

Паль шуманъ на море синее,
 Листопада первенець,
 И горитъ въ алмазахъ инея
 Горь безлиственнѣй вѣнецъ.

Тяжко ходяшь волны хладныя,
 Буйно въспрь шумишь крыломъ !
 Только вьются чайки жадныя
 На поморіи пустошю.

* * *

Только блещешь за шуманами,
 Какъ созвѣздіе морей,
 Надъ зыбучими полянами,
 Спяя позднихъ лебедей.

* * *

Только съ хищностью упорною,
 Ихъ медвѣжьихъ ошлѣнь,
 Надъ швердынею подзорною,
 Дикій беркулъ спережѣшь.

* * *

Все безжизненно, безрадостно
 Въ померкающей дали,
 Но страдальцу какъ-то сладостно
 Увяданіе земли.

* * *

Какъ осеннее дыханіе
 Красоту съ ея чела,
 Такъ съ души моей сіяніе
 Длань судьбины сорвала!

* * *

Въ полдень сумраки вечерніе
 —Взору помному покой,

Общей грустью тупишь перніа
Память родины свяшой!

* * *

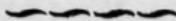
Вѣй же пѣсней усыпительной,
Перелетная мятель,
Хладъ забвелія мирительной,
Сердца плюющаго цѣль!

* * *

Между мною и любимаго
Безнадежное: прости!
Не призывай невозвращимаго,
Дважды сердцу не цвѣсти.

* * *

Хоть порой улыбка нѣжная
Озаришь мои чершпы:
Это радуга наснѣжная,
Намогильные цвѣшпы!
Дагестанъ.

2.

Д р у г у .

(К . П . П — в у .)

Такъ! видно, другъ, на долю мнѣ
Здѣсь счастья не дано судьбою!
Въ чужой, немилрой споронѣ
Я взросъ, средь нужды, сиротою.

Съ бѣдами въ жизни свыкъся я;
 Въ ней радость мнѣ не улыбалась!
 И красная пора моя
 Спезею мрачною умчалась.

* * *

Но я, мой другъ, въ моей судьбѣ,
 Не возропшалъ на Провидѣнье, —
 И, милосердное! въ тебѣ
 Даруешь сердцу утѣшенье.

* * *

Такъ! Богъ мнѣ далъ, чего молилъ
 Я въ глубинѣ души смиренной!
 И д Творца благословилъ
 За даръ Его неоцѣненной.

* * *

Посланникъ неба дорогой!
 Ты примирилъ меня съ судьбою!
 Со дня свиданія съ шобой
 Моя душа слылась съ швоєю! (*)

* * *

Ты счастья блескъ мнѣ заменилъ;
 Въ тебѣ свершились всѣ желанья!
 И дружбы мигъ вознаградилъ
 Мнѣ годы шажкаго спрданья.

Г. Бейеръ.

 (*) Р

Предчувствіе (*).

Грядущій знаю жребій свой:
 Ахъ! скоро съ пулей роковой
 На полѣ битвы повстрѣчаюсь! . . . .
 Хоть жизнь мнѣ льстишь, но не смущаюсь,
 Что за отечество сражусь! —
 Пусть я съ весельемъ разлучусь,
 Пусть свѣтъ покину я блаженный, —
 Лишь бы предчувствіе сбылось,
 И для отчизны долгъ священный —
 Свершится съ успѣхомъ удалось! . . . .

Н. Кириловъ.

19 Апрѣля, 1831.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

А н г л і я.

Нижняя Палата, въ засѣданіи 14-го числа, приняла пшашъ Королевскаго Дома, а въ засѣ-

(*) Опытъ молодого Поэта.

даніи 15-го числа, назначеніе 100,000 £. сп. пен-
сін Королевъ, если бы Король скончался прежде
ея, съ дворцемъ Марльборугскимъ въ Лондонѣ и
съ помѣстьемъ Буши - Паркъ для лѣтняго жи-
тельства.

Въ Ирландіи, особенно въ Графствѣ Майо,
царствуетъ ужаснѣйшая нищета, которая по-
даетъ поводъ къ грабежамъ. Въ Дублинѣ открыты
Комитеты для принятія добровольныхъ приноше-
ній и раздачи оныхъ бѣднымъ. И въ Бирминггамѣ
открыта подписка.

По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Лондона отъ
22 Апрѣля, билль о преобразованіи Парламента
отвергнувъ Нижнею Палатою, и въ слѣдствіе
того Парламентъ распущенъ, 22-го числа, лично
Королемъ. Е. В. сказалъ при семъ слѣдующую рѣчь:

„Милорды и Господа,

„Я пришелъ закрыть засѣданія Парламента,
съ тѣмъ, чтобы немедленно распустить оный.
Къ принятію сей мѣры побудила меня потреба-
ность подтвердить, нушемъ сообразнѣйшимъ съ
Конституціею и достовѣрнѣйшимъ, какою поль-
ко представляется, мнѣніе моего народа о при-
личіи сдѣлать въ предсавительствѣ перемѣны,
какихъ могутъ требовать обстоятельства, и
которые, будучи основаны на признанныхъ нача-
лахъ Конституціи, имѣли бы цѣлю въ одно вре-
мя и поддержаніе справедливыхъ правъ и преиму-
ществъ короны, и упроченіе народной свободы.

„Господа Члены Нижней Палаты!

„Благодарю васъ за средства, дарованныя вами

для поддержанія чести и достоинства короны, и приношу вамъ особенную благодарность за распоряженія ваши для доставленія супругъ моей средствъ поддерживающъ пышность, приличную ея сану. Равноумно благодарю васъ за денежные назначенія для государственнаго управленія. Я съ удовольствіемъ видѣлъ сдѣланныя вами усилія для введенія снротой бережливости во всѣхъ отрасляхъ онаго, и надѣюсь, что сей важный предметъ — первый обратитъ на себя вниманіе новаго Парламента, который я немедленно повелю созвать.

„Милорды и Господа !

„Съ удовольствіемъ могу уведомить васъ, что дружественныя сношенія съ иностранными державами подають наилучшія надежды въ продолженіи мира, коего сохраненіе не преставало бытъ цѣлію постоянныхъ моихъ усилій.

„Рѣшившись извѣдать мнѣніе моихъ подданныхъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, я внималъ только опеческой попечительности объ удовольствованіи и счастіи моего народа; полагаюсь на постоянное и усердное содѣйствіе ваше для увеличенія онаго.“

За симъ, по приказанію Короля, Лордъ-Канцлеръ объявилъ, что Парламентъ закрывается до 10-го Мая.

Ф р а н ц и я .

Въ засѣданіи 12-го Апрѣля, Палата Депутатовъ приняла законъ о выборахъ, большинствомъ

301 голоса противъ 51. Въ семь же засѣданіи Министръ Иностранныхъ дѣлъ защищалъ Правительство противъ нападеній Г-на Могена, и повторилъ изложеніе миролюбивой политики Министерства. И на другой день происходили въ Палатѣ подобныя пренія, по поводу нападеній Генерала Ламарка на виѣшнюю политику Министерства, на которыя въ томъ же смыслѣ отвѣчали Маршалъ Сульшъ и Г-нъ К. Перрье. Въ засѣданіи 14-го числа приняты законъ объ увеличеніи, въ случаѣ нужды, суммы 100 милл. франковъ, данной Правительству, посредствомъ займа или повышенія уже существующихъ налоговъ. — Въ засѣданіи 15-го числа, приняты законъ о назначеніи полушора милл. фр. на секретныя расходы Министерства Внутреннихъ дѣлъ.

Законъ о выборахъ приняты Палатою Перовъ въ засѣданіи 15-го Апрѣля, большинствомъ 83 голосовъ противъ 12.

Палата Перовъ произвела, 11-го числа, судъ надъ ^{тѣми} оспушслвующими Министрами. Баронъ д'Оссе, Баронъ Капель и Г-нъ Монбель, признанные виновными въ измѣнѣ, осуждены на вѣчное заточеніе, на лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ, пенсіумовъ и орденовъ, и на уплату судебныхъ издержекъ.

Три дня сряду, 14-го, 15-го и 16-го Апрѣля, составлялись въ разныхъ частяхъ города Парижа народныя сборища; но оныя легко были разсываемы войскомъ, съ помощію народной гвардіи,

такъ, что не лужно было прибѣгать къ употребленію оружія.

Въ провинціяхъ почти совсѣмъ уже перестали говорить о національномъ обществѣ: оно пекушается уже весьма немногихъ. Напрошивъ того, заемъ во 120 милл., открытый для Правительства частными лицами, вездѣ принимается съ воспоргомъ и находишь многочисленныхъ подписчиковъ.

Королевскимъ повелѣніемъ положено возстановить спашую Наполеона на колоннѣ, стоящей на Вандомской площади. — Поелику старая спашуя, работы Шодэ, пропала, то открытъ конкурсъ для всѣхъ Французскихъ Художниковъ.

И т л и я.

Генераль Баронъ Геппертъ доноситъ изъ Аиконы, что мятежническій опрядъ Серконьяни, стоявшій въ окрестностяхъ Фолиньо, Сполето и Перуджии, и даже угрожавшій Риму, совершенно разсѣянъ, и самъ Серконьяни исчезъ; полагають, что онъ отправился въ Марсель. Баронъ Геппертъ уже сдѣлалъ нужныя распоряженія для обратнаго похода Императорскихъ войскъ.

Папа издалъ, 5-го Апрѣля, прокламацію къ своимъ подданнымъ, въ коей отдаеть справедливую хвалу вѣрности, оказанной Римскимъ народомъ во время революціи; изъявляетъ свою благодарность Императору Австрійскому и его войскамъ за важную услугу и помощь, оказанную

Церкви; излагаетъ причины, побудившія его отвергнуть конвенцію, заключенную Кардиналомъ Бенвенути съ мяшежниками; и объявляетъ, что виновные должны ожидать не только справедливости, но и милосердія.

Ионійскій пароходъ Сиръ Ф. Адамъ, отплывшій изъ Анконы 30-го Марша, пришелъ 2 Апрѣля въ Корфу, и привезъ туда 17 начальниковъ и офицеровъ Италіянскихъ мяшежниковъ.

Н и д е р л а н д ы .

Король и Королева возвратились 13-го числа изъ Амстердама въ Гагу.

Всѣмъ военнымъ судамъ, находящимся въ Флиссингенѣ, повелѣно отправиться въ Амстерпепъ.

Пишутъ, что Бельгійцы вооружаютъ артиллерию въ крѣпости по рѣкѣ Шельдѣ, и строятъ башни вдоль по берегу.

Бельгіискій Конгрессъ принялъ, въ засѣданіи 11-го Апрѣля, проектъ постановленія, коимъ Правительство уполномочивается принять въ службу, до заключенія мира, одного Генерала и шрехъ штабъ-офицеровъ иностранныхъ, а въ артиллерию одного Полковника, шрехъ баталіонныхъ командировъ, двѣнадцать Капитановъ и двадцать Поручиковъ и Подпоручиковъ.

Регентъ повелѣлъ сосланишь и въ Луксенбургъ два баталіона волонтеровъ.

Комитетъ Бельгійскаго Общества издалъ прокламацію къ Бельгійцамъ, въ коей призываетъ ихъ къ оружію на защиту Луксенбурга; сія прокламація была прибываема на улицахъ, но два дни сряду ее срывали. Общество непремѣнно хотѣло имѣть волонтеровъ, и для того лишило работы около 1200 человекъ, которые были заняты на счетъ города Брюсселя; они хотѣли сперва предаться буйству и грабежу, но народная стража воспрепятствовала имъ въ томъ; проходивъ два дня безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, они наконецъ по неволѣ записались въ волонтеры.

Т у р ц и я.

Праздникъ Байрама отправленъ, 15-го Марша, въ Константинополь съ обыкновеннымъ торжествомъ въ мечети Султана Ахмета. Членамъ Дипломатическаго корпуса отведены были дома, изъ которыхъ они могли смотрѣть на поѣздъ Султана. — Увѣряюшъ, что Правительство открыло заговоръ въ пользу Янычаръ; извѣстно достоверно, что найдены нѣсколько складокъ оружія, и что многія лица взяты подъ стражу: даже говорили о тайныхъ казняхъ. — Рейсъ-Эфенди, Гамидъ-Бей, и Кіал Бей, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Гаді-Эфенди, получили 21-го Марша отставку; на мѣсто перваго назначенъ Сулейманъ

Неджибъ-Эфенди, сопровождавшій Галиль-Пашу въ С. Петербургъ, а на мѣсто втораго Пертевь-Эфенди, бывшій въ 1829 году Рейсъ-Эфендиемъ.— Россійской Императорскій Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бушеневъ, прибылъ въ Константинополь 21-го Марта.

Апрѣля 25.
